

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ ОБЩЕНАУЧНОЙ, КОНКРЕТНО-НАУЧНОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

*Работа представлена кафедрой лингвострановедения и коммуникации
Ульяновского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Пузырев

Согласно лингвистической методологии предлагается использовать следующую тетрахомию: *мышление – язык – речь – коммуникация*. В качестве основных характеристик языковых преступлений можно назвать следующие: 1) навязывание ложной картины мира; 2) апелляция к общественному (а не конкретно-индивидуальному) сознанию; 3) тиражируемость в СМИ. Одной из факультативных характеристик языковых преступлений является их преднамеренность.

The author of the article suggests using the following tetrachotomy according to linguistic methodology: *thought – language – speech – communication*. She reveals the basic characteristics of linguistic crimes: 1) imposing of false world vision; 2) appeal to public conscience (but not to individual one); 3) circulation in mass-media. Premeditation is supposed to be one of the additional characteristics of linguistic crimes.

Как известно, существует три вида методологии: общенаучная (философская), конкретно-научная (действующая в рамках конкретной науки – в нашем случае лингвистики), специальная, в рамках которой

решаются проблемы выбора методов и приемов исследования избранного предмета.

В качестве общепhilosophической методологии нами выбрана субстратная методология А. А. Гагаева¹.

В качестве общелингвистической методологии нами выбран лингвистический вариант субстратной методологии, предложенной А. В. Пузыревым. Данная методология предполагает использование тетрахомотии «мышление – язык – речь – коммуникация»².

Специальная методология предполагает использование принятых в конкретной науке методов (в лингвистике, например, это описательный, сопоставительный методы, статистический анализ, метод анкетирования, ассоциативного эксперимента и др.).

Объектом нашего исследования являются слова, словосочетания и высказывания общественно-политического характера.

Предметом исследования является наличие/отсутствие состава языковых преступлений в использовании данных слов, словосочетаний и предложений.

В плане общенаучной (философской) методологии языковые преступления выступают как частная разновидность лжи в обществе, как частный случай социально-принятой (в данном социуме) лжи.

Не любая ложь является языковым преступлением. В нашей работе в качестве рабочего используется следующее определение языковых преступлений: языковое преступление – это ложь, а) носящая разрушительный характер; б) распространяемая политической системой социума (власти или оппозиции) и в) тиражируемая в средствах массовой информации данного социума.

Достоинство принятого определения заключается, в частности, в том, что оно позволяет установить хронологические рамки языковых преступлений. Они становятся возможны только тогда, когда появляются мощные информационные средства, способные передавать информацию на большие расстояния в кратчайшие сроки. По логике рассуждений, языковые преступления стали возможными с появлением СМИ (газет), и, соответственно, о них

можно говорить начиная с 1702 г., когда появились первые газеты.

Обсуждая общеполитические аспекты озаглавленной проблемы, нельзя пройти мимо решения вопроса о социальных функциях языковых преступлений. Языковые преступления характеризуют высшие уровни бесструктурного управления (манипуляции) общественным сознанием (прежде всего уровни методологии, фактологии и хронологии, идеологии, искусства, надгосударственного и государственного управления, системы образования и воспитания и средств массовой информации)³. Причем если раньше это была не скрытая манипуляция, а прямая, скажем так, открытая угроза, то сегодня все большее распространение получает скрытая манипуляция общественным сознанием как средство управления государством. При этом многие средства воздействия на массы уходят в плоскость словесной манипуляции, что и порождает возможность появления языковых преступлений.

В общеполитическом плане не вызывает сомнений, что языковые преступления прежде всего прерогатива властных структур. О языковых преступлениях, совершаемых оппозицией, можно говорить только тогда, когда в руках оппозиции находятся те или иные популярные СМИ.

В плане конкретно-научной (общелингвистической) методологии языковые преступления должны быть рассмотрены прежде всего как явление языка. Объективный анализ данного языкового феномена представляется возможным только при всестороннем его рассмотрении. Такой анализ требует, на наш взгляд, учета вышеназванной тетрахомотии «мышление – язык – речь – коммуникация».

I. Находясь на уровне мышления, исследователь обязан помнить о необходимости различать уровни языкового и метаязыкового мышления. На уровне языкового мышления языковое преступление оказывается проявлением установки на сокрытие

и искажение реальности для оправдания разрушительных действий, для представления действий власти в глазах населения как необходимых и правильных.

На уровне метаязыкового мышления исследователь обязан произвести обзор научной литературы, изучить различные точки зрения на языковые преступления и смежные с ними понятия (симулякры, различного рода политические манипуляции и др.).

О языковых преступлениях на уровне мышления следует говорить тогда, когда владелец средств массовой информации (им может быть правительство, может оказаться частное лицо) навязывает человеку (массам) саморазрушительный образ мыслей, когда посредством СМИ в социуме формируется неадекватная картина мира. Так, например, введение в политический обиход понятия «застой» можно отнести к разряду языковых преступлений потому, что фактически оно послужило распаду того государства, в рамках которого данный термин использовался.

К языковым преступлениям, а точнее к элементам языковых преступлений могут быть отнесены многие политические номинации, появившиеся в эпоху Великой французской революции. Например, *septembrisade* (букв. «сентябризация»). Данное понятие обозначает сентябрьские расправы 1792 г. над так называемыми «врагами народа». В этот период, в частности, избиение арестованных в парижских тюрьмах приняло массовый характер и прокатилось по всей Франции. Как видим, внутренняя форма данного существительного не содержит ни малейшего указания на кровавые расправы 1792 г. Данное существительное содержит все характеристики элемента языкового преступления: а) оно скрывает реальный смысл происходящего; б) оно распространяется властными структурами (в данном случае Франции) через посредство в) средств массовой информации.

Ennemi du peuple (букв. «враг народа»). В доказательство отнесения этого словосочетания к языковому преступлению сошлемся на исследование В. В. Кожина. Великая французская революция – это номинация гражданской войны, в ходе которой одна часть Франции уничтожала другую.

1. Словосочетание часто использовалось и было своего рода лозунгом, затем перекочевавшим в другие страны. Один из вождей Французской революции, Сен-Жюст, обращаясь к соратникам, дал формулу, ставшую своего рода законом: «Вы должны карать не только предателей, но и равнодушных; вы должны карать всякого, кто пассивен в республике»⁴.

2. Это словосочетание было обращено не только к врагам, но и ко всем несогласным. По нашему мнению, здесь – в социальном плане – отразилось известное психологическое правило «отвода агрессии от себя». Огромное количество желающих участвовать в расстрелах в качестве карателей объясняется по этому правилу в том числе и нежеланием самому оказаться в числе *ennemi du peuple* («врагов народа»).

3. Следование принципу поиска *врагов народа* носило чрезвычайно разрушительный характер, что повлекло за собой уменьшение численности населения во Франции на протяжении всех последующих десятилетий. Как указывает В. В. Кожин, за четверть века (до начала Реставрации в 1814 г.) Французская революция пожрала, по разным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн человеческих жизней. Это может показаться не столь уж громадной цифрой, если забыть, что население Франции было тогда в 6–7 раз меньше населения России эпохи ее Революции (и, следовательно, гибель 4 млн французов соответствовала гибели 25–30 млн жителей России) и что в конце XVIII в. не имелось тех средств уничтожения, которые «прогресс» создал к XX в.⁵

II. Переходя на уровень языка, основной детерминирующей уровень, исследователь языковых преступлений обязан помнить, что уровень языка – уровень предполагающей рефлексии⁶. Вероятней всего, на этом уровне исследователь должен выдвинуть те или иные гипотезы, предложить те или иные модели исследования.

Языковые преступления на уровне языка – языковые модели и единицы типового характера, которые лежат в основе тех или иных языковых преступлений. Принципиально важным представляется разграничение элементов и единиц языка⁷.

Полагаем, что на уровне языка языковые преступления функционируют в виде отдельных языковых элементов – чаще всего слов и словосочетаний. Таковыми могут быть следующие слова и словосочетания: *передача особым порядком, диктатура пролетариата, выравнивание линии фронта, дружественный огонь, защитная реакция, построение правового государства* и т. д.

В качестве обоснования отнесенности данных примеров к языковым преступлениям остановимся на таких словах и словосочетаниях, как *защитная реакция, дружественный огонь*. Под таким словосочетанием, как *защитная реакция* скрывается «бомбардировка»; *дружественный огонь* (букв. friendly fire) – это ошибочный обстрел своих или мирных объектов⁸. Все вышеприведенные словосочетания распространяются системой власти при помощи СМИ и носят разрушительный характер, формируя ложную картину мира в социуме.

При совершении языковых преступлений могут быть активизированы различные языковые средства: 1) лексические, 2) семасиологические, 3) синтаксические, 4) морфологические. Рассмотрим некоторые из них.

К лексическим средствам языковых преступлений относятся: *эвфемизмы, пресуппозиции, псевдособытия, повторение*. Когда вместо слова *капитализм* в официальных документах эвфемистически употребляется словосочетание *рыночная экономика*, вместо *беженцев* – *временно перемещенные лица*,

тем самым ретушируются факты подчинения одних людей другими (в случае *рыночная экономика*), факты трагически сложившейся жизни конкретных людей (в случае *временно перемещенные лица*)⁹. К примерам эвфемизмов относятся также словосочетания *результаты огневого воздействия на живую силу противника* (= количество убитых), *этническая чистка* или *окончательное решение еврейского вопроса* (= геноцид).

Примером пресуппозиций может служить предвыборный лозунг *Голосуй сердцем!* – в нем имплицитно содержалась информация-рекомендация голосовать за определенного кандидата (а именно Б. Н. Ельцина)¹⁰.

К морфологическим средствам языковых преступлений можно отнести, например, замену местоимений во времена Великой французской революции. Так местоимение «вы» (vous) при обращении к одному лицу было заменено местоимением «ты» (tu, toi). Подобные предложения делались еще в 1790–1791 гг. в знак свидетельства «об уничтожении социальных предрассудков и о чувстве братства, которым воодушевлены французские патриоты», но обязательное «тыканье» (tutoiment) вошло в обычай лишь после установления якобинской диктатуры.

Языковое преступление в данном случае носит сложный, многоканальный, комплексный характер.

III. Переходя на уровень речи, уровень речевой реальности, исследователь переходит на уровень требований специальной методологии, или методологии частного характера. В качестве специальной методологии нами приняты такие общеизвестные лингвистические методы, как описательный, сопоставительный, статистический анализ, а также метод ассоциативного эксперимента и метод анкетирования.

В рамках соблюдения требований специальной методологии прежде всего должна быть решена проблема общеречевых параметров языковых преступлений. Каким требованиям должно удовлетворять

речевое высказывание для того, чтобы быть квалифицированным как языковое преступление? На наш взгляд, здесь необходимо соблюдение требований следующего характера:

1) высказывание должно содержать ложную информацию не индивидуального, а политического характера. Следует оговориться, что ложная информация о той или иной личности, которая занимала (в свое время) самое высокое положение в политической иерархии, нами признается информацией не личностного, а общественно-политического характера (все зависит от масштаба конкретной исторической личности);

2) высокая частотность на уровне речи употребления в СМИ информации ложного характера. Тиражируемые в СМИ высказывания (содержащие словосочетания, понятия, отмеченные манипуляцией политического характера) на уровне речи должны рассматриваться безотносительно плана восприятия того или иного выражения каким-либо индивидом, поскольку на уровне речи исследователь имеет дело с объективно выраженным значением, а не личностно-ориентированным смыслом. Отправителю языкового преступления необходимо добиться высокой частотности употребления его в СМИ, а соответственно, и привыкания человека к нему.

Таким образом, языковое преступление предполагает создание своего рода конституции, в рамках которой и становится возможной подмена референтных отношений, допускающая амбивалентное толкование и служащая для эвфемизации «неудобных» для говорящего явлений.

IV. Языковые преступления на уровне коммуникации предстают в виде растиражированной в СМИ одной и той же информации/ситуации с точки зрения ее восприятия конкретным носителем языка.

Нами было осуществлено исследование пропедевтического характера относительно того, как, например, обычные носители языка воспринимают словосочетание «выравнивание линии фронта», часто исполь-

зовавшееся в период нацистской Германии для обозначения вынужденного отступления в ходе Второй мировой войны.

Любопытно, что данное выражение обычно толковалось как «переход на новые, менее уязвимые позиции», «распределение боевых блоков по строго определенной позиции» и даже «наступление». И никто не воспринял это выражение как собственно *отступление*, т. е. как тот факт, который, собственно, и обозначался. Несответствие значения слова его референту является одним из самых ярких параметров языковых преступлений.

В качестве своеобразного вывода еще раз обозначим наиболее важные особенности языковых преступлений:

1) навязывание ложной картины мира, поскольку языковые преступления: а) дают возможность бесструктурного управления обществом по внедрению в его умы «естественного» и «нормального» видения ситуации; б) служат политическим орудием, т. е. некто в своих интересах искажает историю народа (вместо реальных фактов и суждений дает ложную информацию, изменяя представление общества о самом себе так, что последнее и начинает думать необходимым для манипулятора образом, а не иначе); в) содержат такие знания, которые не позволяют людям самостоятельно разобраться в происходящих событиях;

2) апелляция к общественному (а не конкретно-индивидуальному) сознанию;

3) тиражируемость в СМИ.

Одной из факультативных характеристик языковых преступлений является их преднамеренность, т. е. сознательная манипуляция общественным сознанием с целью извлечения выгоды для системы власти и имеющая разрушительные последствия для социума.

Как указывает Д. В. Алексеев, есть все основания полагать, что любое государство манипулирует сознанием своих граждан, навязывая им необходимое видение событий: «Больше того, неспособность власти и ее уполномоченных структур к дей-

ствиям манипулятивного типа есть признак failed state – «провалившегося государства»... Если государство способно навя-

зывать свое ранжирование текущих событий и медиасюжетов по уровню их значимости, значит, ситуация под контролем»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гагаев А. А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991.

² Пузырёв А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. С. 36.

³ Истархов В. А. Удар русских Богов. М.: Редактор, 2001. С. 125.

⁴ Кожин В. В. Правда сталинских репрессий. М.: Аморит; Эксмо, 2005. С.103.

⁵ Кожин В. В. Там же. С. 103.

⁶ Пузырёв А. В. Указ. соч. С. 108.

⁷ Пузырёв А. В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сб. статей. Пенза: ПГПУ имени В. Г. Белинского, 2002. С. 51–57.

⁸ Энциклопедия для детей. Т. 10: Языкознание. Русский язык. 2-е изд., испр. / Гл. ред. М. Д. Аксенова. М.: Аванта+, 1999. С. 690.

⁹ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2006. С. 415.

¹⁰ Федотова В. Г. Манипуляция как субститут демократии // Главная тема. 2005. № 7. С. 97.

¹¹ Алексеев Д. В. Государство и манипуляция // Главная тема. 2005. № 7. С. 51.